

Страсти ПО КАРДИНАЛУ

**Вера
НАЗАРОВА**

Воронежская область

Война за Монтанелли в романе Э. Л. Войнич «Овод»

«**В**ся жизнь Овода и самая смерть его были посвящены борьбе за освобождение родины. Эта борьба была его единственной и великой страстью. Вся его личная жизнь, все его стремления были посвящены этой великой цели», – заявляет Е. А. Таратута в предисловии к собранию сочинений Э.Л.Войнич (1975). «...Роман о бесстрашном борце за свободу Италии, – гласит аннотация к одному из новейших изданий «Овода» (2019), – чье имя стало символом мужества и несгибаемой воли».

«Борьба», «бесстрашие», «мужество»... Редкие рецензенты бестселлера Э. Л. Войнич обходятся без этих слов. Не зря «Овод» входил в число любимых книг А. П. Гайдара, А. П. Маресьева, Ю. А. Гагарина...

И кажется нелепым и даже смешным усомниться, задуматься, задать себе вопросы: была ли независимость Италии главной целью Овода, его миссией? Этим ли диктовались его мысли, устремления, поступки? Возможно ли, чтобы нечто иное освещало путь юного Артура Бертона? Поддерживало жизнь в голодном, тяжелобольном, одиноком скитальце Риваресе? Заряжало уверенного, опытного, почти неуязвимого Овода?

Роман начинается с беседы Артура и его духовника Лоренцо Монтанелли в духовной семинарии в Пизе. Монтанелли выясняет, что молодой человек охвачен идеей свободной Италии. Верующий глубоко и страстно, Артур убежден: такова воля Христа.

«– <...>Я упал на колени и ждал – всю ночь. А утром, когда я пришел в себя... Нет, padre! Я не могу объяснить, не могу рассказать вам, что я видел. Я сам едва помню. Но я знаю, что Господь ответил мне. И я не смею противиться его воле.

<...>

– <...>Если действительно такова была его воля – ответить тебе, когда смерть посетила твой дом, – смотри, как бы не истолковать ошибочно его слово. Куда зовет тебя твое сердце?

Артур поднялся и ответил торжественно, точно повторяя слова катехизиса:

– Отдать жизнь за Италию, освободить ее от рабства и нищеты, изгнать австрийцев и создать свободную республику, не знающую иного властелина, кроме Христа!»

Артур мечтает, что к освободительному движению примкнет и Монтанелли.

«– <...>Джемма, дорогая, как я был бы счастлив, если бы к нам присоединились вы и... padre!

<...>

– Артур, но ведь он же священник!

– Так что же? В нашей организации есть и священники. Двое из них пишут в газете. Да и что тут такого? Ведь назначение духовенства – вести мир к высшим идеалам и целям, а разве не к этому мы стремимся. В конце концов, это вопрос скорее религии и морали, чем политики», – объясняет он Джемме, давнему другу и товарищу.

Ввиду отъезда Монтанелли Артур приходит на исповедь к отцу Карди, где простодушно посвящает его в тайны «Молодой Италии». Происходит это в страстной четверг. В ночь на пятницу Артура увозят жандармы...

В его душе зарождаются религиозные сомнения: «На стене висело большое деревянное распятие, и глаза юноши медленно поднялись к лицу Христа, но в них была не мольба, а только удивление перед этим покладистым и нерадивым богом, который не поразил громом священника, нарушившего тайну исповеди».

За первым предательством следует второе: оказавшись на свободе, Артур узнает, что Монтанелли – его отец. «Я верил в вас, как в Бога. Но Бог – это глиняный кумир, которого можно разбить молотком, а вы лгали мне всю жизнь».

Первая часть романа завершается отплытием Артура в Буэнос-Айрес. Убежденный в необходимости начать новую жизнь, он инсценирует самоубийство и покидает «жалкий мирок, полный низкой лжи и грубого обмана, – стоячее болото, такое мелкое, что в нем нельзя даже утонуть».

В этих главах Артур Бертон предстает перед читателем восторженным, чистым, до исступления религиозным молодым человеком. Именно вера побуждает его пополнить ряды революци-

онной организации. «Во имя Бога и народа, ныне и во веки веков», – гласит девиз «Молодой Италии».

Но Артур верит не только в Бога и народ. Монтанелли, его padre – вот кто безраздельно владеет им.

«Артур вынул из чемодана тщательно завернутый портрет в рамке. Это был сделанный карандашом портрет Монтанелли, за несколько дней до того присланный из Рима. Он стал разворачивать свое сокровище...»

К слову: что побуждало Артура не просто восхищаться Монтанелли, а боготворить его? По моему мнению, первая и основная причина – это одиночество юноши, резко обострившееся после смерти матери. «Они всегда меня ненавидели и будут ненавидеть, что бы я ни делал», – говорит Артур о сводных братьях.

Несомненно, очень много для него значит Джемма. Однако ей чужд религиозный пыл, сопровождающий каждый жест, каждую фразу Артура. Вдобавок, Джемма воспитывалась в семье протестантов.

«– Знаете, я говорила о священниках с моим отцом, и он...

– Джемма, ваш отец протестант.

После минутного молчания она смело взглянула ему в глаза.

– Давайте лучше прекратим этот разговор. Вы всегда становитесь нетерпимым, как только речь заходит о протестантах.

– Зачем обвинять меня в нетерпимости? Нетерпимость обычно проявляют протестанты, когда говорят о католиках.

– Ну конечно! Однако мы уже слишком много спорили об этом, не стоит начинать снова... Как вам понравился сегодняшний доклад?

– Очень понравился, особенно последняя часть. Как хорошо, что он так решительно говорил о необходимости жить согласно идеалам республики, а не только мечтать о ней! Это соответствует учению Христа: «Царство Божие внутри нас».

– А мне как раз не понравилась эта часть. Он так много говорил о том, что мы должны думать, чувствовать, какими мы должны быть, но не указал никаких практических путей, не говорил о том, что мы должны делать».

Этот эпизод объясняет, почему витающему в облаках Артуру ближе его padre. Хотя Монтанелли твердо стоит на земле, верит он не менее истоно.

Вторая причина необычайной привязанности

Артура к Монтанелли кроется в самом Монтанелли. Помощь в освоении философии, занятия ботаникой – благодаря широкому кругозору и таланту наставника он направляет Артура отнюдь не только как духовник. Проявляя интерес ко всему, с чем соприкасается молодой человек, Монтанелли уважает его личные границы, даже если волнение накрывает его с головой.

«Артур замялся.

– *Padre, вы не будете спрашивать его фамилию? Я обещал...*

– *Я ни о чем не буду спрашивать. Если ты обещал хранить тайну, говорить об этом не следует. Но я думаю, ты мог бы довериться мне».*

Монтанелли не поучает на каждом шагу, не запугивает Страшным Судом. Он мягко увещивает. И Артур его слышит. Ему легко и интересно с padre, и он доверяет padre почти как самому себе. Вероятно, поэтому Артур и открылся отцу Карди: возможно ли, чтобы исповедник нарушил обет молчания?

Любовь к Монтанелли характерна не только для Артура, но и для язвительного, циничного Овода.

«– <...> Думаешь, я не заметила, каким взглядом ты провожал его коляску? И лицо у тебя было белое, как вот этот платок. Да ты и сейчас дрожешь, услышав только его имя!

Овод встал.

– *Ты просто не отдаешь себе отчета в своих словах, – медленно и тихо проговорил он. – Я... я ненавижу кардинала. Это мой заклятый враг.*

– *Враг он или не враг, не знаю, но ты любишь его больше всех на свете. Погляди мне в глаза и, если можешь, скажи, что это неправда!*

<...>

– *Да, это правда, – сказал он».*

Бывший Артур, отныне язвительный, циничный Феличе Риварес по прозвищу Овод, спустя тринадцать лет после отбытия в Южную Америку снова полон революционных устремлений. Во Флоренции он разворачивает масштабную антиклерикальную кампанию, причем мишенями ему служат не только иезуиты: ряд карикатур и пасквилей направлен против кардинала Монтанелли. Необходимости в этом нет, ведь народ боготворит его за простоту и скромность, да и радикалы признают, что «честных кардиналов не так уж много, с ними надо обращаться по-вежливее». Но правда о Монтанелли терзает его, словно вторглась в его жизнь только вчера.

«О, если бы он мог простить! Если бы только он мог изгладить из памяти глубоко проникшее

в сердце прошлое – пьяного матроса, сахарную плантацию, бродячий цирк! Какое страдание сравнишь с этим: хочешь простить, стремишься простить – и знаешь, что это безнадежно, что простить нельзя, простить не смеешь».

Во время переправы в Папскую область оружия и боевых припасов Овод попадает к солдатам. Он открывает огонь, но внезапно перед дулом его пистолета вырастает Монтанелли. «Это мгновение решило все...»

Полковник Феррари, командир гарнизона в Бризигелле, намерен отдать Овода под военно-полевой суд, но Монтанелли заявляет, что не допустит этого в своей епархии, да еще в мирное время. Однако он не уверен в своем решении полностью.

«– Предположим, – снова начал Монтанелли, – что вам удастся бежать. Что вы станете делать тогда?

– *Я уже сказал вашему преосвященству: убивать крыс.*

– *Убивать крыс... Следовательно, если бы я дал вам возможность бежать отсюда – предположим, что это и в моей власти, – вы воспользовались бы свободой, чтобы способствовать насилию и кровопролитию, а не предотвращать их?»*

Эта встреча исчерпывает почти весь запас сил Овода.

Через некоторое время Монтанелли приходит к нему снова. По моему мнению, именно вторая беседа отца и сына в темнице, а не расстрел Овода (особое место этой сцене отводила, например, Е. А. Таратута) является кульминацией романа.

«– Дайте мне вашу руку... скорее... на одну только минуту, – прошептал Овод. – Что вам стоит? Только на минуту!

Он припал лицом к его руке и задрожал всем телом.

– *Выпейте воды, – не сразу сказал Монтанелли.*

Овод молча повинился, потом снова лег и закрыл глаза. Он сам не мог бы объяснить, что с ним произошло, когда рука кардинала коснулась его щеки. Он сознавал только, что это была самая страшная минута во всей его жизни».

«– *Padre, неужели вы так и не поймете, что я не утонул?*

Руки, которые он держал в своих, вдруг похолодели. Наступило мертвое молчание. Потом Монтанелли опустился на колени и спрятал лицо на груди Овода».

Овод ставит Монтанелли перед выбором: он, его сын, или Иисус Христос. Монтанелли в отчаянии, но отказаться от сана, веры и публично признать Овода своим сыном он не решается. Утром следующего дня военно-полевой суд признает Ривареса виновным.

Впоследствии Монтанелли горько жалеет о содеянном, но поздно: сын уже мертв.

«И все же я зову тебя, возлюбленный сын мой! Вернись ко мне, ибо я раскаиваюсь в своем выборе. Вернись!»

Роман завершается известием о его смерти.

«Образ Овода был примером героя-революционера, отдавшего революции всю свою жизнь», – писала Е. А. Таратута. Так почему в произведении лишь упоминается мятеж Савиньо, который, без сомнения, был одной из наиболее ярких страниц биографии Овода как борца за освобождение Италии? Почему читатель может лишь гадать, что за заговоры организовывал Риварес, скрывшись от суда Спинолы в Тоскане? Неужели главнейшими результатами революционной деятельности Овода стали памфлеты, высмеивающие иезуитов и «честного кардинала» Монтанелли?

Впрочем, это детали. «Овод» – не роман о революционере (вернее, не о нем в первую очередь) потому, что смысл жизни главного героя составляла отнюдь не революция.

*«– Padre, ваш Бог – обманщик! Не верьте его ранам, не верьте, что он страдал, – это все ложь. Ваше сердце должно по праву принадлежать мне! Padre, нет таких мук, которых я не испытал из-за вас. Если бы вы только знали, что я пережил! И все-таки мне не хотелось умирать. Я перенес все и закалил свою душу терпением, потому что **стремился вернуться сюда и вступить в борьбу с вашим Богом.** Эта цель была моим щитом, им я защищал свое сердце, когда мне грозили безумие и смерть».*

*«– ...**Жизнь нужна мне только для того, чтобы бороться с церковью.** Я не человек, я нож! Давая мне жизнь, вы освящаете нож».*

Из разговоров Овода с Джеммой:

«– Я хочу вас спросить...

– Да? – Он не шелохнулся.

– Почему вы тогда не перерезали себе горло? Пораженный, он взглянул на нее:

– Вот не ожидал от вас такого вопроса! А как же мое дело? Кто бы выполнил его за меня?»

«– ... Вы грубо ошибаетесь, думая, что я рассматриваю террористические акты только как способ расправы со зловредными представите-

лями власти. Нет, это способ – и, по-моему, наилучший способ, подрывать авторитет церкви и приучать народ к тому, чтобы он смотрел на ее служителей как на паразитов.

– А когда вы достигнете своей цели, когда вы разбудите зверя, дремлющего в человеке, и натравите его на церковь, тогда...

*– Тогда я скажу, что **сделал свое дело, ради которого стоило жить.***

– Так вот о каком деле шла речь в тот раз!

– Да, вы угадали».

Войну не австрийским оккупантам, а Богу и Церкви – силам, отнявшим у него Монтанелли, – объявил Овод. И потерпел поражение: любимым отец отвернулся от него. Понимая, что никогда не примирится с этим, Овод идет на смерть.

Безжалостность Ривареса к Церкви была обусловлена и тем, что он не желал для Монтанелли общества лицемеров и предателей наподобие отца Карди.

«– <...> Неужели вы не понимаете, что я хочу спасти вас? Неужели вы не видите, что во мне говорит любовь? <...>

<...>

– Padre, пойдете с нами! Что у вас общего с этим мертвым скопищем кумиров и священников? Ведь они – прах ушедших веков! Они прогнили насквозь, от них веет тленом! Уйдите от чумной заразы Церкви – я уведу вас в светлый мир».

Сын и отец, яростное столкновение их убеждений и идеалов, любовь, страдания и смерть – вот что лежит в основе романа «Овод», а вовсе не «величественный образ героя-революционера».

Тем не менее Революционер с большой буквы в произведении есть, и это Джемма. Потеря Артура, едва ли не стоившая жизни ей самой, кончина мужа и ребенка – судьба благоволила ей едва ли не меньше, чем Оводу. Однако присутствие духа не изменяет ей: Джемма по-прежнему рассудительна и хладнокровна. Она ясно видит цель, что отличает ее не только от Овода, но и многих других товарищей по борьбе. Сердце ее не ожесточилось, как это произошло, например, с Маргаритой де Мартерель, героиней романа Э. Л. Войнич «Прерванная дружба». Переживания Джеммы, какой бы силы они ни были, не препятствуют ее работе: даже казнь Овода не останавливает ее.

А Овод? Для него это захватывающая игра.

«– <...> Риварес надел старый солдатский мундир и бродил по стране под видом раненого

карабинера, отыскивающего свою часть. Во время этих странствий он наткнулся на отряд, посланный Спинолой на его же розыски, и целый день ехал с солдатами в одной повозке и рассказывал душераздирающие истории о том, как бунтовщики взяли его в плен, затащили в свой притон в горах и подвергли ужасным пыткам. Солдаты показали ему бумагу с описанием его примет, и он наговорил им всякого вздору о «дьяволе», которого прозвали Оводом.

Потом ночью, когда все улеглись спать, Риварес влил им в порох ведро воды и дал тягу, набив карманы провизией и патронами...»

Несмотря на любовь к подобного рода представлениям, революция – дело всей жизни Овода. Но революция не столько социально-политическая, сколько мировоззренческая.

«– ...Главная причина всех наших несчастий и ошибок – душевная болезнь, именуемая религией», – уверен он.

Именно потому, что Овод – не революционер в классическом смысле этого слова, этот роман Э. Л. Войнич не перестанут читать и перечитывать. Овод противоречивый и живой, его слова и действия вызывают то улыбку, то негодование. Прощаться с ним невыносимо грустно, а его письмо к Джемме – луч света, разгоняющий, казалось бы, навечно воцарившийся холод и мрак.

И напоследок: почему предыдущие трактовки – большая их часть – едва ли не слово в слово воспевают революционный дух, которым якобы

пропитана книга? По словам исследователя романа С. С. Митягиной, «Овод», получив в советский период искаженную интерпретацию, активно использовался идеологической машиной в качестве пропагандистского и воспитательного средства».

Хочется верить, что однобокое восприятие этого замечательного произведения осталось в прошлом.

Выделения в тексте автора.

□

Вера Сергеевна НАЗАРОВА

родилась в 1995 году в Воронеже.

Окончила исторический факультет

Воронежского государственного университета.

Научный сотрудник «Природного, архитектурно-археологического музея-заповедника «Дивногорье» (Воронежская область).

В литературных журналах ранее не публиковалась.

В журнале «Север» публикуется впервые.

